

Е. А. МИШИНА

**К ВОПРОСУ О ВИДОВОЙ СЕМАНТИКЕ
ПРОСТЫХ (БЕСПРИСТАВОЧНЫХ) ГЛАГОЛОВ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Развитие категории глагольного вида — один из наиболее дискуссионных и сложных вопросов в истории славянских языков в целом и каждого отдельного славянского языка в частности. О том, как именно проходил этот процесс, с какими периодами и вехами в развитии данной категории мы сталкиваемся, высказываются самые разные точки зрения, и до сих пор между исследователями ведутся споры. Представляется, что в настоящий момент для более адекватного понимания ситуации, сложившейся в древнейший период, необходимо прежде всего последовательное исследование и описание разных семантических и словообразовательных классов глаголов. Одним из наименее изученных классов (с точки зрения выражения аспектуальной семантики) следует признать класс простых глаголов (не имеющих ни приставки, ни суффикса). Настоящая статья представляет собой опыт лишь предварительного исследования данного класса в древнерусском языке старшего периода: список привлеченных глаголов далек от полного и все сделанные выводы нуждаются в дальнейшей проверке на более широком материале. Тем не менее определенные тенденции видны уже на данном этапе. Исследование проводилось на материале древнерусских оригинальных памятников, грамматическая разметка которых включена в Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Большую часть памятников составляют летописи (Повесть временных лет, Суздальская, Киевская, Волынская, Галицкая, Новгородская первая), а также Вопросание Кирика и три повести древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского (Повесть о беспечном царе и его мудром советнике, Притча о душе и теле, Сказание о черноризском чине), кроме

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Статья подготовлена к XVI Международному съезду славистов (Белград 20–27 августа 2018 г.).

того, привлекался материал берестяных грамот, включенных в Древнерусский подкорпус. Поскольку историк языка, как правило, вынужден проводить исследование на ограниченном материале, а наряду с частотной лексикой встречается и редкая¹, по каждой лемме результаты сопоставлялись с данными исторических словарей [Срезневский; СДРЯ; СРЯ XI–XVII], а также с данными переводных памятников, включенных в Древнерусский подкорпус НКРЯ, представляющих, за исключением Изборника 1076 г., древнерусские переводы XI–XIII вв. по спискам XII–XV вв.: Изборник 1076 г., Житие Андрея Юродивого, История иудейской войны Иосифа Флавия, «Александрия», Повесть об Акире премудром, «Пчела», Чудеса Николы. Если данные словарей противоречили данным, полученным на материале исследованных древнерусских памятников, то такие глаголы на этом этапе исключались из рассмотрения. Для чистоты эксперимента данные по переводным памятникам (включенным в Древнерусский подкорпус НКРЯ) отделялись от данных оригинальных памятников, что позволяет исключить при анализе случаи возможного влияния греческого оригинала на выбор той или иной глагольной формы (на наш взгляд, случаи такого влияния не единичны). Тем не менее данные переводных памятников всегда принимались во внимание для «внешнего» контроля: учитывалась статистика, а также противоречивость/непротиворечивость свидетельств переводных и непереводных памятников. Если данные переводных памятников противоречили данным оригинальных древнерусских памятников, то такие глаголы на текущем этапе также исключались из рассмотрения. За кадром также пока остались наиболее редкие глаголы, зафиксированные единичные формы которых не позволяют сделать надежный вывод.

Традиционно считается, что в исходной системе древнерусского языка видовые противопоставления возникают с развитием вторичной имперфективации. Вторичный имперфектив (образованный с помощью суффикса от префиксального глагола) противопоставлялся по виду префиксальному и первоначально был маркированным членом оппозиции, выражающим семантику несовершенного вида (*омыти* — *омывати*) [Маслов 1961/2004: 471–473; Силина 1982: 273–274; Кукушкина, Шевелева 1991: 44–45]. Простые же глаголы (не имевшие ни перфективирующего префикса, ни суффикса имперфективации), согласно традиционному мнению, в древнейший период оставались неохарактеризованными² по виду (способными выступать в контекстах, типичных как для совершенного вида (далее — СВ), так и несовершенного вида (далее — НСВ)) и, соответственно, не были втянуты в видовое противопоставление [Кузнецов 1953:

¹ Так, о видовой принадлежности некоторых древнерусских глаголов на данный момент невозможно утверждать ничего определенного, поскольку известно не более 1–3 непоказательных употреблений, фиксируемых словарями.

² Термин «неохарактеризованности» применительно к виду был введен Р. Ружичкой [Ruzicka 1957: 15–23; 42–47; Ружичка 1962: 308–319].

224–229, 258–259; Силина 1982: 274; 1995: 376–377; Кукушкина, Шевелёва 1991, 45–47] и др. Такое представление, несмотря на его верность в выстраивании генеральной линии видового развития, необходимо признать некоторым упрощением. На наш взгляд, картина была более неоднородной. Дело в том, что уже в самых ранних памятниках письменности наряду с неохарактеризованными симплексами (таких, безусловно, большинство) встречаются также симплексы, которые следует признать охарактеризованными по виду. Ряд простых глаголов уже был втянут в процесс образования видовых пар. Так, например, очень рано сложились такие видовые пары, как *дати* (СВ) — *даяти* (НСВ), *пустити* (СВ) — *пуцати* (НСВ), и некоторые др. Ниже мы попытаемся продемонстрировать неоднородность класса простых глаголов в отношении видовой семантики.

1. Методика и алгоритмы определения видового значения

До сих пор актуальным и до конца нерешенным остается вопрос методики и критериев, на основе которых можно определить видовое значение конкретных глагольных основ в тот или иной реконструируемый период. Достижения современной аспектологии, в частности детальное изучение частно-видовых значений и нарративной семантики (см. работы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой и др.), позволяют нам опереться на семантико-функциональный подход и в качестве основного критерия взять так называемые диагностические контексты, в которых встречаемость или не встречаемость тех или иных основ может свидетельствовать об их видовой принадлежности. Такими контекстами являются актуально-длительное настоящее, конкретно-процессное прошедшее, сочетание с фазовыми глаголами и некоторые другие контексты [Кукушкина, Шевелёва 1991].

Однако при исследовании древнерусского языка опереться исключительно на семантический критерий оказывается невозможно в силу того, что историку языка (в отличие от синхрониста) недоступна методика эксперимента. Опереться можно только на ограниченную выборку примеров, а в силу жанровой специфики древних текстов многие показательные контексты (такие, например, как актуальное настоящее или конкретно-фактическое будущее) встречаются редко по сравнению с непоказательными контекстами, допускающими конкуренцию видов (например, контекстами многократности). Так, неактуальное настоящее (например, настоящее гномическое), не являющееся показательным, широко представлено в текстах гномологических и гомилетических жанров (типа «Пчелы» и Изборника 1076 года), в то время как конкретно-фактическое будущее представлено в таких жанрах достаточно редко. Кроме того, историков языка всегда подстерегает опасность вчитывания современных смыслов в древний контекст.

В такой ситуации при определении видового значения основы, на наш взгляд, перспективно применять комплексный подход, учитывающий как контекстно-аспектуальное поведение глагола в диагностических контекстах, так и морфологический критерий (в свое время постулируемый еще В. Вайаном [Вайан 1948/2002] и Э. Кошмидером [Koschmieder 1934]). От глаголов СВ не должны образовываться формы действительного причастия настоящего времени и имперфекта, но регулярно образуются формы действительного причастия прошедшего времени и аориста; в то время как от глаголов НСВ, наоборот, регулярно образуются действительные причастия настоящего времени и имперфекта, но не должны образовываться действительные причастия прошедшего времени и практически не употребляются формы аориста³. В большинстве случаев, когда мы имеем дело с основными видо-временными значениями и употреблениями (как правило, минимально ограниченными по сочетаемости в контексте), дело обстоит именно так. Тем не менее морфологический критерий может быть применен только с учетом семантических особенностей контекста, типов употреблений и явлений языковой периферии, поскольку в ранних восточнославянских памятниках (впрочем, как и в современном русском языке) в определенных случаях противоречия между значением вида и времени могут сниматься. Так, от глагольных основ СВ могли образовываться формы имперфекта в контекстах многократности и при отрицании [Маслов 1954/2004; Зализняк 2008; Мишина 2012; 2015; 2017; Жолобов 2016], формы презенса со значением неактуального настоящего и настоящего исторического [Зализняк 1993; Мишина 1997; 2001; 2002], формы действительного причастия настоящего времени в значении предшествования [Кузьмина, Немченко 1982: 290–294] и в контекстах с отрицанием [Мишина 2012]. С другой стороны, формы аориста в некоторых случаях довольно регулярно образовывались и от имперфективных основ [Мишина 2015; 2016].

Следует также иметь в виду, что наблюдаемая нами аспектуальная система в древнерусском языке демонстрирует определенную асимметричность: разные морфологические критерии (то есть наличие или отсутствие тех или иных временных форм) имеют разный вес. Так, в качестве «очень сильного» выступает критерий сочетаемости с фазовыми глаголами, в то время как запрет на образование тех или иных временных форм может иметь исключения. К примеру, запрет на образование форм имперфекта и действительного причастия настоящего времени (за исключением окказиональных типов, в которых снимается противоречие между значением СВ и значением времени) оказывается более сильным для глаголов СВ, нежели запрет на образование форм аориста и действительного причастия прошедшего времени для глаголов НСВ. Иначе говоря, противоречие, воз-

³ К настоящему исследованию привлекались только формы действительных причастий, хотя, по-видимому, формы страдательных причастий ведут себя аналогичным образом.

никающее между семантикой имперфекта и семантикой СВ, довольно сильное, а следовательно всегда требуются определенные контекстные условия, позволяющие это противоречие снять или смягчить (немотивированные употребления имперфектов от глаголов СВ практически не встречаются). Между тем серьезного противоречия между семантикой аориста (факт в прошлом) и семантикой НСВ нет, вследствие чего немотивированные употребления форм аориста от глаголов НСВ хотя и редки, но встречаются (см. об этом ниже в разделах III–IV).

На первый взгляд, сказанное выше противоречит постулируемому морфологическому критерию, однако, в действительности, противоречия нет. Алгоритм определения видового значения глагольной основы должен состоять из двух этапов. На первом этапе предполагается применение морфологического критерия, то есть выяснение того, какие именно временные формы встречаются от того или иного глагола, на втором — выявление основных и периферийных значений. В результате на основе анализа статистических данных и зафиксированных значений можно будет сделать вывод о видовом статусе глагола или же о его неохарактеризованности.

Так, например, если фиксируются только формы аориста, действительного причастия прошедшего времени, отсутствуют случаи сочетания с фазовыми глаголами, а формы презенса имеют значение конкретно-фактического будущего и не встречаются в контекстах актуального настоящего, может быть сделан вывод о том, что такой глагол функционирует как глагол СВ. В случае функционирования также форм имперфекта, действительного причастия настоящего времени и форм презенса в значении настоящего, на втором этапе необходимо проанализировать, какие именно значения имеют формы имперфекта, презенса и причастия: основные или периферийные (иначе говоря, проверить, допускают ли контексты, в которых зафиксированы те или иные «маргинальные» формы, употребление СВ). Поскольку большинство периферийных видо-временных значений на данный момент известно и детально описано, они могут быть легко учтены при анализе. Полученные результаты позволят понять, свидетельствует ли функционирование образуемых форм о видовой неохарактеризованности глагола или же данный глагол можно считать принадлежащим к СВ. Таким образом, опора на комплексный подход практически всегда позволит сделать вывод о видовой принадлежности определенной глагольной лексемы (разумеется, при наличии достаточного количества примеров в показательных контекстах).

2. Простые глаголы, неохарактеризованные по виду

Древняя видовая неохарактеризованность по сути та же двувидовость. Двувидовые глаголы есть и в современном русском языке. Основу данного класса составляют простые биаспективы, сохранившие свою неохарактере-

ризованность (двувидовость) с древнейших времен до настоящего времени. Кроме того, этот класс постоянно пополняется многочисленными суффиксальными заимствованиями (преимущественно иноязычного происхождения) на *-овать*, *-ировать*, *-изовать*, *-изировать*, *-ицировать* и т. п., см., например, [Зализняк, Шмелёв 2000: 71]. Следует отметить, что в современном русском языке простых биаспективов, являющихся наследниками более древнего состояния, достаточно мало: *бежать*, *велеть*, *венчать*, *жалеть*, *женить(ся)*, *казнить*, *крестить*, *молвить*, *ранить*, *судить* и некоторые др. Однако в древнерусском языке этот класс был гораздо шире, чем в современном русском⁴, и именно широта этого класса является одним из серьезных факторов, препятствующих тому, чтобы считать категорию вида в древнерусский период окончательно сложившейся. По отношению к древнему периоду мы будем, следуя традиции, называть этот класс неохарактеризованным, а не двувидовым, на том основании, что впоследствии многие глаголы из этого древнего класса охарактеризовались и перешли в класс глаголов СВ или НСВ. Процесс этого перехода мы наблюдаем уже в древнейший период⁵. Поскольку неохарактеризованные симплексы могли свободно употребляться в контекстах, типичных как для СВ, так и НСВ, от них, как правило, свободно (без каких-либо контекстных ограничений, или ограничений в сочетаемости) образуются формы и аориста, и имперфекта, действительного причастия как настоящего, так и прошедшего времени, а также могут встречаться сочетания с фазовыми глаголами. Статистические данные по встретившимся в исследованных памятниках временным формам от неохарактеризованных симплексов представлены в Таблице 1.

Из таблицы видно, что в случае с частотными глаголами, как правило, бывает достаточно опоры на морфологический критерий, чтобы на основе анализа образуемых форм (аорист/имперфект/действ. прич. наст. и прош. вр./сочетаемость с фазовыми глаголами) сделать вывод о видовой неохарактеризованности глагола. Сложнее дело обстоит с редкими лексемами, так как в случае ограниченной статистики надежность вывода снижается⁶. В этом случае необходимо проанализировать значения встретившихся

⁴ Данный факт отмечался многими исследователями, см., например, [Ульянов 1895: 175–176]. Более широким по сравнению с современным русским языком (хотя и значительно суженным в сопоставлении с древнерусским) этот класс глаголов продолжал оставаться ещё в XVI–XVII вв. [Никифоров 1952; Прокопович 1962] и др. Разумеется, в данном случае речь не идет о поздних суффиксальных заимствованиях.

⁵ Следует, конечно, учитывать, что любой термин в определенном смысле условен и отражает скорее традицию, а в сущности, речь идет об одном и том же языковом явлении. Как известно, и в современном русском языке некоторые двувидовые глаголы (из заимствований) постепенно сдвигаются в сторону видовой парности [Piperski 2016].

⁶ Возвратные глаголы представлены в таблице отдельно от их невозвратных коррелятов (нередко один из них менее частотен), но для определения вида, как правило, показательна статистика в совокупности по обоим коррелятам.

временных форм (привлекая для анализа также формы презенса). В отношении наиболее редких глагольных лексем следует также признать, что при отсутствии фиксации достаточного количества показательных форм остается ждать накопления языкового материала в будущем. На данном этапе в приведенные таблицы не были включены глаголы, если общее количество фиксаций по исследованным памятникам было меньше пяти или же возникали трудности в интерпретации из-за небольшого количества показательных примеров.

Таблица 1⁷

Простые глаголы, неохарактеризованные по виду

	Сочетаемость с <i>начати</i> , <i>почати</i> ⁸	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
благословити	+	0/1	0/6	14/2	3/0
благословитисѧ	—	—	—	1	1/0
бѣжати	—	3/5	37/2	123/63	9/12
бѣти	+	5/34	13/37	23/7	2/8
бѣтисѧ	+	67/2	30/36	90/38	31/10
велѣти	+	15/29	51/15	16/0	3/2
вести	—	2/2	11/1	58/8	1/1
видѣти	+	7/30	56/203	101/206	400/17
водити	+	5/6	5/15	14/1	6/1
воевати	+	9/8	23/9	75/3	9/2
вѣровати	+	1/2	7/10	0/1	2/2
вѣщати	+	1/1	1/0	5/6	1/0
гонити	+	5/7	13/12	12/0	1/0
гънати	—	4/4	7/3	46/11	5/4
даровати	—	0/1	1/0	8/1	0/2
дивитисѧ	+	2/39	2/20	1/6	2/4

⁷ В таблице представлена статистика по оригинальным и переводным древнерусским памятникам, включенным в Древнерусский подкорпус НКРЯ. Первая цифра в ячейке отражает статистику по оригинальным памятникам, вторая (данная через «/») — по переводным. Пометы «+» и «—» обозначают встречаемость/невстречаемость форм или конструкций. Аналогичным образом информация подается в последующих таблицах.

⁸ В настоящей работе мы опирались на данные о сочетаемости/несочетаемости глагольных лексем с глаголами *начати*, *почати*, представленными в работе И. С. Юрьевой [Юрьева, в печати]. Поскольку сочетаемость с фазовыми глаголами в древнерусском языке, как и в современном русском, является сильным критерием для определения видового значения (в древнерусском, как и в современном русском, действовал запрет на сочетаемость глаголов СВ с фазовыми глаголами), в этом столбце не приводятся количественные показатели (в данном случае избыточные), а отмечается наличие/отсутствие такой сочетаемости.

	Сочетаемость с <i>начати</i> , <i>почати</i> ⁸	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
доумати	+	8/13	2/3	5/5	3/2
желати	—	2/1	6/6	1/0	1/0
жити	+	36/9	38/85	1/5	7/1
зъвати	+	9/8	8/23	4/5	0/7
ити	—	52/49	126/89	617/133	59/101
казати	+	0/7	8/18	7/5	2/1
казнити	+	—	8/0	2/0	2/0
кланатисѧ	+	5/5	9/11	7/6	2/1
клѧти	+	1/3	1/4	—	—
клѧтисѧ	+	0/2	2/9	7/5	2/0
крѣстити	+	—	4/0	9/0	4/0
крѣститисѧ	—	—	0/1	10/1	5/0
коупити	+	10/2	2/3	1/4	2/2
лѣсти	—	0/1	0/2	5/0	—
летѣти	—	1/3	5/2	4/1	2/0
молити	+	7/8	3/11	2/3	1/0
молитисѧ	+	19/63	38/85	5/11	2/5
моуци	—	21/30	36/110	50/20	7/3
мьнѣти	+	9/50	14/65	3/11	9/6
нести	—	6/2	4/8	18/2	3/2
обѣдати	+	—	1/1	1/0	13/1
пити	+	3/7	6/22	6/2	3/2
писати	+	1/3	3/3	7/8	0/4
плакати	+	3/7	6/14	3/2	1/0
плакатисѧ	+	26/6	13/24	46/6	3/0
плѣнити	—	3/2	3/0	12/14	3/9
положити	—	—	—	6/5	—
праздновати	—	0/2	0/3	6/1	3/4
просити	+	7/6	72/29	13/3	1/3
проситисѧ	+	2/0	2/0	3/0	—
слышати	+	1/10	17/29	61/54	316/181
соудити	+	—	2/2	1/5	1/3
сѣмѣти	—	10/4	9/11	21/15	3/2
сѣпати	—	1/5	8/14	—	4/4
тѣщи	—	2/21	6/23	5/4	0/6
троудитисѧ	—	1/3	—	6/4	0/7
ходити	+	21/36	31/76	78/2	8/7
хотѣти	—	92/49	293/227	62/23	4/2
чѣстити	+	4/2	4/5	2/1	2/0
цѣловати	+	14/9	12/20	3/3	1/3
ѧсти	+	1/3	3/2	114/9	46/6

3. «Недоимперфективы»

В [Прокопович 1962] отмечается, что в языке памятников XVII в. многие из неохарактеризованных простых глаголов обнаруживают явную тенденцию к видовой дифференциации и закреплению за ними значения определенного вида, о чём свидетельствуют статистические данные. Наш материал показывает, что в древнерусский период среди неохарактеризованных простых глаголов уже есть такие, которые находятся на стадии тяготения к значению одного из видов, причем у неохарактеризованных симплексов движение, как правило, происходит в сторону НСВ (такие глаголы предлагается условно называть «недоимперфективами»)⁹. Статистические данные по образуемым временным формам простых глаголов, функционирование которых тяготеет в исследованных памятниках к контекстам НСВ, представлены в Таблице 2.

Таблица 2¹⁰

Простые глаголы, тяготеющие к семантике несовершенного вида

	Сочетаемость с <i>начати</i> , <i>почати</i>	Импер- фект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
болѣти	+	2/2	10/18	1/0	2 обст./1
болатисѧ	+	6/13	24/178	0/1	0/1
бесѣдовати	+	2/6	0/14	1/2 [1 обст.]	1/1 обст.
веселитисѧ	+	2/11	9/18	2/0	0/1 обст.
вѣдати	—	10/10	9/24	1?/5 [2?]	0/1
владѣти	+	0/5	3/23	2/0	0/1 обст.
гадати	+	1/0	2/1	1/0	4 [3 обст.]/0
глаголати	+	66/182	211/314	12/55	6 [1 обст.]/ 11 [1 обст., 2 отр.]
гнѣвати	—	—	0/2	—	—

⁹ Интересно, что в современном русском языке в отношении многих двувидовых глаголов (из современных заимствований) наблюдается схожая тенденция: они сдвигаются в своём функционировании именно к НСВ, употребляясь гораздо чаще в контекстах, типичных для НСВ, см. об этом в [Piperski 2016].

¹⁰ Общие принципы подачи информации в таблицах см. в сноске 7 к Табл. 1. Дополнительные пометы, используемые в таблицах: «?» означает, что нет полной уверенности в том, что форма определена верно (например, в случае омонимии форм имперфекта и аориста 1-го лица), или возможна ошибка. Квадратные скобки «[]» означают выборку из общего указанного количества (например, 2 из 5). Помета «обст.» отмечает сочетание с обстоятельством, обозначающим временной период или продолжительность действия. О сочетаемости форм аориста и действительного причастия прошедшего времени от глаголов НСВ с обстоятельствами, ограничивающими время протекания действия, речь пойдет ниже, в разделе IV.

	Сочетаемость с <i>начати</i> , <i>почати</i>	Импер- фект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
<i>гнѣватисѧ</i>	+	3 / 20	3 / 13	0 / 2	—
<i>гравити</i>	+	1 / 3	6 / 7	2 / 0	—
<i>дѣлати</i>	+	0 / 10	3 / 20	3 / 0	—
<i>жаловати</i>	+	2 / 6	5 / 9	3 [2 обст.]	—
<i>жаловатисѧ</i>	+	1 / 0	3 / 0	—	—
<i>жещи</i>	+	2 / 2	7 / 2	1 обст. / 1 ¹¹	—
<i>жити</i>	+	36 / 9	38 / 85	1 / 5	7 [5 обст.] / 1
<i>зѣрѣти</i>	+	3 / 14	36 / 94	0 / 1	3 [1 обст.] / 1 обст.
<i>искати</i>	+	15 / 20	21 / 18	2 обст. / 1	4 / 0
<i>мѣлвити</i>	+	46 / 6	13 / 13	0 / 3 [1 обст.]	6 [2 обст.] / 0
<i>рѣвновати</i>	—	2 / 2	5 / 5	0 / 1	1 / 0
<i>слоужити</i>	+	4 / 7	6 / 10	1 / 0	2 [1 обст., 1 отр.] / 1
<i>слоужати</i>	+	7 / 2	6 / 13	1 / 0	1 отр. / 0
<i>сѣлати</i>	+	11 / 2	10 / 2	1 / 1	1 отр. / 0
<i>сѣлатисѧ</i>	+	5 / 0	2 / 0	1 / 0	1 обст. / 0
<i>сѣщи</i>	+	2 / 25	20 / 13	5 / 0	1 / 0
<i>сѣщисѧ</i>	—	1 / 2	2 / 0	—	0 / 1 обст.
<i>творити</i>	+	65 / 51	41 / 108	0 / 3	1 / 3 [2 отр.]
<i>творитисѧ</i>	—	8 / 25	7 / 19	—	—
<i>оучити</i>	+	6 / 11	9 / 15	—	0 / 1?
<i>оучитисѧ</i>	+	0 / 4	0 / 4	0 / 1	0 / 8 [3 отр., 1 обст.]

Как видно из таблицы, у простых глаголов, уже в древнерусский период демонстрирующих сдвиг в сторону семантики НСВ, количество употреблений имперфекта и действительного причастия настоящего времени преобладает (для некоторых глаголов значительно) над формами аориста и действительного причастия прошедшего времени. Выше (в разделе I) уже было сказано о том, что в отношении значимости (с точки зрения аспектальной семантики) наличия/отсутствия тех или иных временных форм в древнерусский период мы имеем дело с ассиметричной картиной. Так, отсутствие/наличие форм имперфекта и действительного причастия настоящего времени оказывается более значимым и показательным для вывода о том, относится ли глагол к СВ, чем отсутствие/наличие форм аориста и действительного причастия прошедшего времени для глаголов НСВ.

¹¹ В памятниках, включенных в Древнерусский подкорпус НКРЯ, не встретилось форм аориста от глагола *жещи*, однако одна форма (*жыгоша*) зафиксирована в надписи XI в. из Новгородской Софии, см. [Гиппиус, Михеев 2013], еще одна зафиксирована в СДРЯ (в статье *наопако*: из Пролога XIV в.).

Действительно, несмотря на преимущественное образование от глаголов СВ (о чем неумолимо свидетельствует статистика по памятникам), аорист мог при необходимости образовываться и от глаголов НСВ как форма, указывающая исключительно на отнесенность действия к прошлому, см., например, [Горшкова, Хабургаев 1997: 320]. Что касается действительных причастий, то на выбор формы настоящего или прошедшего времени влияние мог оказывать не только вид глагола, но также таксисные отношения. Иначе говоря, выбор времени причастия в ряде случаев мог быть обусловлен необходимостью выразить временные соотношения (предшествование или одновременность) между основным и второстепенным действием, см., например, [Абдулхакова 2007: 33–34]. Данные обстоятельства, накладываясь на общую тенденцию (зафиксированную статистикой), снижают показательность форм аориста, а в ряде случаев и причастий, что в свою очередь осложняет задачу, стоящую перед исследователями. Важно также учитывать, что употреблению тех или иных временных форм могли способствовать и другие дополнительные (внеаспектуальные) факторы (как, например, отрицание, залог, сочетаемость с обстоятельствами, субстантивация и др.).

В качестве примера рассмотрим два глагола из Таблицы 2: **оучити** и **оучитисѧ**. Как видно из таблицы, от глагола **оучити** в древнерусский период не встречаются формы действительного причастия прошедшего времени (в исследованных памятниках встретился один сомнительный пример), в то время как от глагола **оучитисѧ** эти формы образуются (зафиксированы примеры в переводных памятниках). Анализ употреблений показал, что довольно часто данные формы встречаются в контекстах с отрицанием. Исследования современного русского языка демонстрируют схожие тенденции. В грамматическом словаре А. А. Зализняка отмечается, что возможные, но очень редкие образования действительных деепричастий прошедшего времени встречаются практически всегда в контексте с отрицанием [Зализняк 2003: 85], см. также [Князев 2009: 481–482]. Данные современного подкорпуса НКРЯ показывают, что формы деепричастия прошедшего времени от глагола *учиться* — *учившись*, воспринимаемые в настоящий момент как достаточно устаревшие, ещё встречаются (хотя и редко) в текстах XIX, а также начала XX в., причем из 28 зафиксированных примеров 20 с отрицанием. При этом от глагола *учить* зафиксировано только два примера в текстах XIX в. В [Добрушина 2009: 19] и [Биккулова 2011] отмечается, что материал современного подкорпуса НКРЯ не подтверждает тезиса о том, что в современном русском языке деепричастия на *-в*, *-вши* от глаголов НСВ, как правило, встречаются именно с отрицанием. Представляется всё же, что этот вывод преждевременен, требует проверки и, на наш взгляд, скорее обусловлен спецификой и ограниченностью материалов, попавших в НКРЯ. Так, результаты поиска в Яндексе показывают, что в современном русском языке деепричастные формы от возвратного глагола *учившись* хотя и редки, но окказионально возможны именно в кон-

тексте с отрицанием: *Реально ли получить роль в кино, никогда не играв в театре и не учившись на актёра?*; *Искусный повар в нужный час добывает сохранившийся в пальцах рецепт так, как мы вспоминаем древний та-нец, никогда ему не учившись*. От глагола *учить* такие формы встречаются совсем редко: *Как рассказать стих, не учив его?* И, как кажется, звучат хуже. На примере глагола *учиться* мы попытались показать, что определенные ограничения (в данном случае связанные с залогом и отрицанием), которые мы наблюдаем в современном русском языке, имели место уже в древнерусский период, и данное обстоятельство требует более внимательного изучения.

Таким образом, в будущем предстоит более пристально и на более широком материале исследовать группу простых глаголов, демонстрирующих сдвиг в сторону НСВ, уделив особое внимание анализу функционирования форм аориста и действительных причастий прошедшего времени, а также факторам, которые могли влиять на выбор временной формы. Не исключено, что новые данные позволят пересмотреть и уточнить предложенную классификацию, а также уточнить аспектуальный статус глаголов, для которых зафиксированы единичные «неправомерные» формы. Из осторожности на данном этапе такие глаголы (например, **жещи**, **ръвновати**, **слоушати** и др.) были помещены в промежуточный подкласс, но не исключено, что в будущем окажется возможным переместить некоторые из них в группу глаголов НСВ.

4. Простые глаголы несовершенного вида

Среди простых бесприставочных глаголов есть и такие, которые уже в древнерусский период можно считать глаголами НСВ. Их не так много, как неохарактеризованных (на данный момент выявлено около двух десятков), однако представляется принципиально важным, что такие глаголы есть. Статистические данные по образуемым формам представлены в Таблице 3.

Из таблицы видно, что от приведенных глаголов регулярно образуются формы имперфекта и действительного причастия настоящего времени. У большинства глаголов зафиксированы сочетания с фазовыми глаголами и не зафиксированы формы аориста и действительного причастия прошедшего времени. Исключение составляют несколько глаголов (**горѣти**, **държати**, **ждати**, **кънажити**, **лежати**, **работати**, **стоати**, **сѣдѣти**), от которых, как видно из таблицы, образуются формы аориста и действительного причастия прошедшего времени. В ряде случаев количество этих форм сопоставимо с количеством зафиксированных форм имперфекта и действительного причастия настоящего времени, а у глагола **стоати** даже его превышает. Однако употребление практически всех аористов и действительных причастий прошедшего времени оказывается контекстуально

Таблица 3¹²

Простые глаголы несовершенного вида

	Сочет. с начати, почати	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
блѹсти	—	0 / 3	12 / 7	—	—
блѹстисѧ	—	0 / 2	7 / 6	—	—
боротѣти	—	2 / 0	6 / 0	—	—
боротисѧ	+	4 / 1	9 / 5	—	—
бранитѣти	+	6 / 18	1 / 8	—	—
бранитисѧ	—	7 / 12	1 / 7	—	—
вабитѣти	+	2 / 5	10 / 2	—	—
величати	—	0 / 1	0 / 1	—	—
величатисѧ	—	5 / 3	2 / 8	—	—
горѣти	+	2 / 0	4 / 17	3 обст. / 0	—
гърдѣти	+	0 / 4	2 / 13	—	—
гърдѣтисѧ	—	—	4 / 3	—	—
държати	+	18 / 29	35 / 43	11 [10 обст., 1?] / 4 [1 обст., 2?]	4 [3 обст., 1?] / 1
държатисѧ	—	3 / 2	6 / 4	—	—
ждати	+	3 / 6	20 / 7	8 обст. / 1	3 обст./1 обст.
капати	+	0 / 3	4 / 7	—	—
крати	+	2 / 0	2 / 5	—	—
кънажитѣти	+	4 / 0	24 / 0	3 обст. / 0	7 обст./0
лежати	—	8 / 27	24 / 56	8 обст. / 3 [1 обст., 2?]	1 обст./3 обст.
любити	+	17 / 14	40 / 35	1 / 0	0/1 плн. + субст.
правитѣти	+	4 / 4	9 / 1	1? / 0	—
работати	+	0 / 1	5 / 5	3 обст. / 0	—
свѣтитѣти	—	0 / 1	0 / 2	—	—
свѣтитисѧ	—	1 / 5	4 / 10	—	—
славитѣти	+	4 / 9	26 / 10	—	—
славитисѧ	—	0 / 1	—	—	—
стоати	—	66 / 68	83 / 107	85 обст. / 6 [2 обст. 3?]	20 обст. / 3 [1 обст., 1 субст.]
сѣдѣти	—	25 / 22	58 / 82	13 обст. / 2	13 обст. / 2 [1 обст., 1 плн.]
тъщатисѧ	+	5 / 9	0 / 6	—	—
хвалитѣти	—	1 / 8	17 / 15	—	—
хвалитисѧ	+	—	6 / 7	—	—

¹² Принципы подачи информации в таблицах см. выше, в сносках 7 и 10. Не встречающиеся ранее пометы «плн.» и «субст.» означают, что зафиксированное действительное причастие прошедшего времени встретилось в полной форме и/или субстантивируется в контексте. Данные факторы, по-видимому, тоже значимы, хотя их подробное обсуждение в настоящей статье не предполагается.

обусловленным. В большинстве случаев такие употребления ограничены сочетаемостью с обстоятельствами, указывающими на продолжительность действия (за счет чего снимается противоречие между значением вида и времени), и характерны прежде всего для древнерусских оригинальных памятников письменности. Как было показано в [Мишина 2016], употребления форм аориста и действительного причастия прошедшего времени от глаголов НСВ в сочетании с обстоятельствами времени, ограничивающими время протекания действия, следует рассматривать как особый контекстуально обусловленный тип употребления.

5. Простые глаголы совершенного вида

В [Аркадьев 2015: 146–147] со ссылкой на данные [Зализняк, Шмелёв 2000: 79, сн. 1] и [Schuyt 1990: 221] приводится список простых глаголов, относящихся к СВ в современном русском языке. В современном русском языке симплексов СВ сравнительно немного, в древнерусском их было еще меньше (это самый маленький подкласс), но принципиально важным представляется то, что в древнерусский период этот подкласс уже можно выделить.

Начнем с перечисления тех глаголов, упомянутых в [Аркадьев 2015], которые были исключены нами из рассмотрения применительно к древнерусскому:

- глаголы, появившиеся в языке значительно позже: *бросить* — с XVII в., *контузить* — ещё позже;
- глаголы, довольно долго сохранявшие свою видовую неохарактеризованность: *күпити*, *благословити* (см. выше Таблицу 1);
- глаголы, исторически приставочные (даже если без приставки в древнерусский период они не употреблялись) или суффиксальные: *стати* (*станоу*), *оударити*. В древнерусский период такие глаголы уже относились к СВ, но они не являются простыми;
- глаголы на *-ити*, у которых форма имперфекта омонимична однокоренным глаголам на *-ати*: *ключити(сѧ)*, *лишити(сѧ)*, *пленити(сѧ)*;
- глаголы, представленные в исследованных памятниках единичными (или непоказательными) примерами: *рѣшити(сѧ)*, *дѣти(сѧ)*, *основати*, *счочити*. В настоящий момент об этих глаголах можно сказать лишь то, что их употребление не демонстрирует противоречий с данными современного русского языка. Однако для вывода об их аспектуальном статусе необходимо накопление материала и дальнейшее исследование их функционирования.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что ряд глаголов из современного списка симплексов СВ уже в ранний древнерусский период вели себя как СВ: *дати(сѧ)*, *лечи*, *лишити(сѧ)*, *пастти(сѧ)*, *простити*, *поустити(сѧ)*, *родити(сѧ)*, *сѣсти*, *явити(сѧ)*. Некоторые из них (например,

дати, лечи, пасти, сѣсти) принадлежат к СВ в большей части современных славянских языков. В древнерусском языке (по сравнению с современным) список симплексов СВ расширяется за счет простых глаголов, не употребляющихся без приставки в современном русском литературном языке (вращи(сѧ), стрѣлѣти) или же потерявших в современном языке ряд лексических значений, а с ними и значение СВ (грѣшити, слѣпити). В Таблице 4 приведена статистика по формам от простых глаголов, демонстрирующих семантику СВ (с обозначением типов периферийных контекстов, допускающих СВ).

Таблица 4¹³

Простые глаголы совершенного вида

	Сочет. с <i>начати</i> , <i>почати</i>	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
вращи	—	1 узуал. / 1 узуал.	0 / 1 узуал.	1 / 4	3 / 0
вращисѧ	—	—	—	0 / 2	—
грѣшити	—	—	—	5 / 0	1 / 0
грѣшитисѧ	—	—	—	2 / 0	—
дати	—	7 отр. / 11 отр.	18 отр. / 1 отр.	282 / 46	33 / 16
датисѧ	—	—	—	6 / 1	—
лечи	—	—	—	8 / 7	2 / 2
пасти 'упасть'	—	—	—	44 / 38	18 / 25
пастисѧ 'упасть'	—	—	—	7 / 16	0 / 6
простити	—	—	—	1 / 3	0 / 1
поустити	—	2 отр. / 1 отр.	3 отр. / 2 отр.	185 / 50	11 / 7
поуститисѧ	—	—	—	1 / 1	1 / 0
родити	—	—	—	24 / 10	4 / 17
родитисѧ	—	—	—	71 / 17	2 / 38
слѣпити	—	—	—	3 / 0	3 / 0
стрѣлѣти	—	—	—	3 / 0	2 / 1
сѣсти	—	—	—	162 / 64	13 / 22
гавити	—	—	—	16 / 7	2 / 1
гавитисѧ	—	—	—	27 / 52	1 / 12

¹³ Общие принципы подачи информации в таблицах см. выше в сноске 7. Текстовые комментарии отражают типы периферийных контекстов, допускающих СВ (см. об этих контекстах выше в разделе I): «узуал.» — кратнo-перфективные контексты, в которых глагольные формы выражают повторяющееся действие; «отр.» — контексты с отрицанием.

Как видно из таблицы, данные глаголы не сочетаются с фазовыми глаголами, не образуют форм имперфекта и действительного причастия настоящего времени. Редкие «маргинальные» формы имперфекта и действительного причастия прошедшего времени засвидетельствованы исключительно в определенных периферийных контекстах (см. пометы в таблице), где конфликт между значением вида и времени смягчается, и вследствие этого возможно употребление СВ: в контекстах многократности [Маслов 1954/2004; Зализняк 2008; Мишина 2017] и отрицания [Маслов 1954/2004; Мишина 2012; 2017]. Форма презенса у данных глаголов имеет значение будущего или неактуального настоящего. Следует отметить, что большинство из приведенных глаголов уже в древнейший период имело соотносительные глаголы НСВ, что, возможно, способствовало их ранней аспектуальной охарактеризованности, ср.: *грѣшити* — *грѣшати*, *дати* — *давати*, *лечи* — *лежати*, *пасти* — *падати*, *простити* — *прощати*, *поустити* — *поущати*, *родити(сѧ)* — *рожати(сѧ)*, *стрѣлити* — *стрѣлѣти*, *сѣсти* — *сѣдѣти*, *ѧвити(сѧ)* — *ѧвлѣти(сѧ)*.

Интересно, что простых глаголов, находящихся на промежуточном пути — демонстрирующих сдвиг к семантике СВ, — на данный момент не обнаружилось, за исключением глагола *реши* (*речи*), см. статистику по образуемым формам в Таблице 5:

Таблица 5

	Сочет. с <i>начати</i> , <i>почати</i>	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
реши (речи)	—	1 узуал. / 1 узуал.	430 / 20	1308 / 1377	212 / 204

Как видно из таблицы, в отношении функционирования личных форм *реши* (*речи*), по всей вероятности, уже в древнерусский период вел себя как глагол СВ: частотны формы аориста, а все зафиксированные (единичные) формы имперфекта имеют кратно-перфективное значение¹⁴. Показательно также, что у глагола *реши* не засвидетельствована сочетаемость с фазовыми глаголами, что согласуется с семантикой СВ. В отношении же функционирования причастных форм глагол *реши* демонстрирует черты аспек-

¹⁴ Еще одна форма имперфекта от глагола *реши* (тоже в кратно-перфективном значении) засвидетельствована в Синайском патерике, см. [Жолобов 2016: 74]. Следует отметить, что имперфекты от глагола *реши* рассматриваются как имперфекты СВ, по-видимому, начиная с работы Ю. С. Маслова [Маслов 1954/2004: 151], см. также [Зализняк 2008: 95; Жолобов 2016: 74], что в целом справедливо по отношению к личным формам глагола *реши*, но всё же требует, на наш взгляд, определенных оговорок относительно его аспектуального статуса.

туальной неохарактеризованности: наряду с действительными причастиями прошедшего времени от него столь же регулярно образуются формы действительного причастия настоящего времени, что на текущем этапе исследования не позволяет нам безоговорочно отнести глагол **реци** к глаголам СВ, а всё же присвоить ему промежуточный статус «недоперфектива». Однако следует также признать, что в данном случае статистика по причастным формам не столь показательна, как статистика по личным формам. В функционировании причастных форм настоящего и прошедшего времени от глагола **реци** наблюдается определенная асимметричность. В то время как форма прошедшего времени (**рекъ, рекъше, рекъшоу...**) встречается не только в контекстах, вводящих прямую речь, форма настоящего времени (**рька, рькоучи**) употребляется исключительно при вводе прямой речи, по-видимому, выступая в этом случае в роли своего рода актуализирующего маркера прямой речи. Изучение особенностей функционирования причастных форм от глагола **реци** — задача будущих исследований.

6. Выводы

Итак, как мы попытались показать, уже в древнерусский период класс простых глаголов представлял собой неоднородное множество в отношении выражения аспектуальной семантики. Исследованный материал позволяет выделить несколько подклассов:

- простые глаголы, аспектуально неохарактеризованные, способные употребляться в контекстах, типичных как для СВ, так и НСВ (самый многочисленный подкласс);
- простые глаголы, аспектуально охарактеризовавшиеся и выражавшие семантику НСВ;
- простые глаголы, аспектуально охарактеризовавшиеся и выражавшие семантику СВ (самый малочисленный подкласс);
- простые глаголы, всё ещё сохранявшие аспектуальную неохарактеризованность, однако демонстрирующие сдвиг в сторону НСВ («недоимперфективы»).

Выделение подкласса простых глаголов, демонстрирующих сдвиг в сторону СВ, остаётся под вопросом, поскольку на данный момент к этому классу можно отнести только один глагол — **реци (речи)**. Показательно, что в современном русском языке в отношении функционирования двувидовых глаголов наблюдаются те же тенденции. Многие из двувидовых глаголов сдвигаются в сторону нормальной видовой парности, постепенно становясь глаголами СВ или НСВ, причем чаще наблюдается сдвиг в сторону именно НСВ [Piperski 2016: 18]. Кроме того, как отмечают исследователи, колебания в определении тех или иных глаголов как двувидовых или же принадлежащих определенному виду наблюдаются и в современных словарях, и в восприятии носителей языка [Piperski 2016; Павлова 2017].

Важным представляется вывод о неравноценной значимости разных морфологических и семантических параметров, а также запретов при определении аспектуального статуса глагола. В качестве наиболее значимых оснований для отнесения глагола к классу СВ или НСВ с точки зрения показательности/непоказательности выступают разные наборы параметров. Таким образом, мы наблюдаем ассиметричное соотношение.

Направление дальнейшего исследования аспектуальной семантики простых глаголов в древнерусском языке должно, с одной стороны, двигаться в сторону расширения круга памятников с целью накопления более масштабной статистики, а с другой — быть посвящено выявлению и более детальному анализу разного рода факторов, способствовавших или препятствовавших процессу втягивания простых глаголов в видовое противопоставление. При этом спектр параметров, которые следует учитывать, довольно широк: лексическая семантика глагола, принадлежность к тому или иному морфологическому классу, наличие парного глагола, сочетаемость, особенности синтаксиса и др. Целесообразным в дальнейшем представляется проведение более детального исследования, учитывающего в том числе и разные значения каждой глагольной лексемы.

Источники

Александрия — В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5–105.

Волынская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 848–938.

Вопрошание Кирика — Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 132 (Новгородская или Климентовская кормчая), XIII в. Л. 517–539.

Галицкая летопись — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 715–848.

Житие Андрея Юродивого — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 159–450.

Изборник 1076 — Изборник 1076 года / Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. Т. I. М., 2009. С. 157–707.

История Иудейской войны — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I. М., 2004. С. 63–684.

Киевская летопись — Ипатьевская летопись. Ркп. БАН 16.4.4. Л. 106 об. — 245.

Новгородская первая летопись — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку. Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 786. Л. 1–169.

Повесть временных лет по Ипатьевскому списку — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 1–285.

Повесть о беспечном царе и его мудром советнике Кирилла Туровского — Ркп. ГИМ, собр. Синодальное № 935, XVI в. Л. 72–81 об.

Повесть об Акире премудром — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире премудром. М., 1913. С. 3–235.

Притча о душе и теле Кирилла Туровского — Ркп. ГИМ, собр. Чудовское, № 20, XIV в. Л. 286 об. — 294 об.

Пчела — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Мажеева. Т. I. М., 2008.

Сказание о черноризском чине Кирилла Туровского — ГИМ, собр. Синодальное, № 132 (Новгородская или Климентовская кормчая), XIII в. Л. 604а—613а.

Суздальская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Москва, 1997. С. 287—540.

Чудеса Николая — Сказание чудес Николая Мирликийского. Ркп. РНБ, Ф.п.I, 46, XII в. Л. 66—76.

Л и т е р а т у р а

Абдулхакова 2007 — Н. Р. А б д у л х а к о в а. Из истории русского деепричастия. Казань, 2007.

Аркадьев 2015 — П. М. А р к а д ь е в. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М., 2015.

Биккулова 2011 — О. С. Б и к к у л о в а. Деепричастие // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Вайан 1948/2002 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 2002 (репринт изд. 1948 г.).

Гиппиус, Михеев 2013 — А. А. Г и п п и у с, С. М. М и х е е в. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Докл. рос. делегации. М., 2013. С. 152–179.

Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.

Добрушина 2009 — Е. Р. Д о б р у ш и н а. *Видев и увидя*: жизнь и смерть нестандартных деепричастий // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 15–33.

Жолобов 2016 — О. Ф. Ж о л о б о в. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64–80.

Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. Презенс совершенного вида в значении «презенс напрасного ожидания» // В. Л. Янин, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 275–279.

Зализняк 2003 — А. А. З а л и з н я к. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.

Зализняк, Шмелёв 2000 — Анна А. З а л и з н я к, А. Д. Ш м е л ь е в. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Князев 2009 — С. И. Б о г д а н о в, В. Б. Е в т ю х и н, Ю. П. К н я з е в и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2009.

- Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая морфология русского языка. М., 1953.
- Кузьмина, Немченко 1982 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 280–411.
- Кукушкина, Шевелёва 1991 — О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелёва. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1991. № 6. С. 38–49.
- Маслов 1954/2004 — Ю. С. Маслов. Имперфект и аорист в славянских языках // Ю. С. Маслов. Избранные труды. М., 2004 (переработка статьи 1954 г.). С. 141–248.
- Маслов 1961/2004 — Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 445–476.
- Мишина 1997 — Е. А. Мишина (Горбунова). Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 47–66.
- Мишина 2001 — Е. А. Мишина. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI–XV веков // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М., 2001. С. 197–212.
- Мишина 2002 — Е. А. Мишина. Настоящее узואальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001. М., 2002. С. 199–228.
- Мишина 2012 — Е. А. Мишина. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 219–241.
- Мишина 2015 — Е. А. Мишина. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития: Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Университет Киото Сангё, Киото, 2015. С. 174–180.
- Мишина 2016 — Е. А. Мишина. Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени в древнерусских летописях // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 420–436.
- Мишина 2017 — Е. А. Мишина. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // Russian Linguistics. 2017. Vol. 41 (1). С. 1–15.
- Никифоров 1952 — С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Павлова 2017 — А. Павлова. Некоторые особенности двувидовых глаголов и их восприятие билингвами и монолингвами // Linguistik online. 2017. Vol. 83 (4). С. 51–79.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Прокопович 1962 — Е. Н. Прокопович. Глаголы, не входящие в систему видовой соотносительности (По памятникам русской письменности XVII в.) // Историческая грамматика и лексикология русского языка: Материалы и исследования. М., 1962.

Ружичка 1961 — Р. Ружичка. Глагольный вид в «Повести временных лет» // Вопросы глагольного вида. М., 1962.

Силина 1982 — В. Б. Силина. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 158–279.

Силина 1995 — В. Б. Силина. Видо-временные отношения // Древнерусская грамматика XII–XVIII вв. М., 1995. С. 374–464.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Вып 1–. М., 1988–.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

Срезневский — И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. I–IV. М., 1989.

Ульянов 1895 — Г. К. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. Ч. II. Варшава, 1895.

Юрьева (в печати) — И. С. Юрьева. Инфинитивные конструкции с глаголом **начати** (**почати**) // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса (в печати).

Koschmieder 1934 — E. Koschmieder. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy. Wilno, 1934.

Nørgård-Sørensen 1997 — J. Nørgård-Sørensen. Tense, aspect and verbal derivation in the language of the Novgorod birch bark letters // Russian Linguistics. 1997. Vol. 21 (1). P. 1–21.

Piperski 2016 — A. Piperski. Between imperfective and perfective: quantitative approaches to the study of Russian biaspectual verbs // https://www.academia.edu/21426579/Between_imperfective_and_perfective_quantitative_approaches_to_the_study_of_Russian_biaspectual_verbs [21.03.2016].

Růžička 1957 — R. Růžička. Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik. Berlin, 1957.

Schuyt 1990 — R. Schuyt. The Morphology of Slavic Verbal Aspect: A Descriptive and Historical Study. Amsterdam, 1990.

Резюме

Статья посвящена исследованию аспектуальной семантики простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке. Традиционно считается, что в древнерусский период эти глаголы были неохарактеризованными по виду. Однако проведенный анализ показывает, что уже в древнейший период класс простых глаголов представлял собой неоднородное множество в отношении выражения аспектуальной семантики: выделяется несколько подклассов. В статье предлагаются методика (базирующаяся на комплексном подходе, учитывающем ряд морфологических и семантических параметров) и алгоритмы, позволяющие определить аспектуальное значение конкретной глагольной лексемы. Делается вывод о том, что для определения аспектуального статуса глагола СВ или НСВ разные морфологические и семантические параметры (а также запреты) оказываются неравноценны по своей значимости, что свидетельствует об определенной ассиметричности аспектуальной системы, наблюдаемой в древнерусском языке.

Ключевые слова: глагольный вид, критерии определения аспектуальной семантики, простые глаголы, древнерусский язык.

Получено 02.02.2018

EKATERINA A. MISHINA

ON THE ASPECT OF SIMPLEX (NON-PREFIXED) VERBS IN OLD RUSSIAN

The article is devoted to the aspectual semantics of simplex (non-prefixed) verbs in Old Russian. Traditionally, these verbs have been considered to be aspectually unspecified in the Old Russian period. However, our analysis shows that already in the ancient period the class of simplexes was heterogeneous with respect to aspectual semantics; several subclasses can be distinguished. The article offers a method (based on a complex approach that takes into account a number of morphological and semantic parameters) and algorithms that allow us determine the aspectual meaning of a particular verbal lexeme. It is also argued that for determining the aspectual status of a perfective or an imperfective verb morphological and semantic parameters (and prohibitions) have different degrees of importance. That indicates a certain asymmetry of the aspectual system observed in the Old Russian language.

Keywords: verbal aspect, criteria for determining aspectual semantics, simplex verbs, Old Russian language.

Received on 02.02.2018